

Дубовик А. В. ОЧЕРК ИСТОРИИ АНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ (1980-90-е годы)

Одно из самых удивительных свойств анархизма как идеологии отрицания власти и стремления к освобождению человека от всех форм угнетения – это то, что анархические идеи находили сторонников во все времена и во всех странах, какими бы карами это ни угрожало. Можно смело сказать: уничтожить анархизм невозможно. Его можно загнать в подполье, лишить всякой возможности доступа к массам, даже физически истребить всех активистов, - но на их место придут новые борцы!

Так произошло и в бывшем СССР. После разгрома последних анархических групп в 1930-х гг., анархизм, казалось, окончательно сошел со сцены общественно-политической жизни. Но уже с конца 50-х появляются новые анархисты-одиночки и даже небольшие кружки и группы. Старейшим анархистом в Украине – по крайней мере, среди тех, кто сохранил активность до восстановления Движения во времена «перестройки» – был Николай Озимов (Черкассы), в 1960-70-х гг. поплатившийся за это неоднократно арестами (в общей сложности 15 лет в лагерях и тюрьмах). В 1979 была предпринята попытка создания «Коммунистического Союза Анархистов» в Днепропетровском Госуниверситете, - Союз был разгромлен при попытке подпольного выпуска листовки в университетской типографии; арестованного по этому делу Владислава Стрелковского обвинили заодно и в том, что он входил в анархическую группу, действовавшую в ДГУ в 1976-77. Больше других повезло в то время одному из будущих активистов «Анархо-Коммунистического Революционного Союза» (АКРС), распространявшему в 1970-х машинописные промахновские листовки в селах вокруг Дибровского леса (знаменитой базы махновцев 1918 года), - он так и не был изобличен «красной» полицией. Уже в начале 1980-х независимо (?) друг от друга работали два небольших молодежных кружка в Харькове.

К середине 1980-х анархисты имелись в таких городах Украины, как Днепропетровск, Черкассы, Запорожье... Они не были связаны между собой (часто даже в пределах одного города), но почти все находились под наблюдением КГБ. Им не у кого было учиться, так как преемственность поколений в Движении была прервана Большим Террором тридцатых годов, а о контактах с западными товарищами нечего было и мечтать. Опыт европейского и латиноамериканского синдикализма 20-х, испанская революция 1936-39, «Красный май» в Париже 1968, новые идеи в анархизме 1960-70-х годов – остались практически неизвестны. Днепропетровский анархо-коммунист Олег Дубровский так описывает это время: «Культ свободы, вдохновляющая, зовущая к действию польская «Солидарность» 1980-1981, апологизация Махно и Кронштадтского восстания, книги классиков (Бакунина и Кропоткина) – вот что было исходными пунктами теории и практики анархистов «призыва» первой половины 80-х годов».

Но в 1987 политика «гласности», проводимая реформистским руководством КПСС, при всей ее непоследовательности и половинчатости, позволила анархистам впервые за десятилетия открыто высказать свои взгляды и начать агитацию. Символично, что первые шаги были предприняты практически одновременно, но совершенно независимо друг от друга в Украине и в России: в сентябре 1987 в Москве создан «социалистический политклуб «Община» (симпатии «общинников» к Бакунину не слишком афишировались, но были вполне осознанны и определены); в том же месяце на «открытом» (т.е. обязательном для всех работников) партсобрании одного из

предприятий Днепропетровска, «красным» было предложено проводить свои политзанятия (тоже общеобязательные) в форме дискуссий с анархо-синдикалистами. Партсобрание ответило единогласно бурным возмущением, но публичный вызов был сделан, и после полугодовых (!) проволочек, партбюро предприятия решилось на такие дискуссии – с непосредственной санкции заворготделом Индустриального райкома КПСС.

В 1988 начался активный процесс возрождения анархического движения в Украине. Одиночки объединяются в группы и кружки, устанавливаются контакты с единомышленниками в других городах. Анархо-коммунисты действуют в Днепропетровске и Черкассах, уделяя основное внимание изучению опыта и пропаганде махновского движения – главным образом системе Вольных Советов. Синдикалисты, прежде всего в Днепропетровске, пытаются работать в рабочих коллективах, проникая в структуры официальные профсоюзов и стремясь превратить их в орудие борьбы с администрацией (под лозунгами самоуправления, отмены «исключительной роли» КПСС, но также и ближайших экономических требований). Среди киевской молодежи буйным цветом расцвел анархо-индивидуализм, получивший трактовку эпатирования обывателя образом жизни и внешним видом (позже киевляне участвовали в памятной голодовке студентов перед зданием Верховного Совета УССР, а также в ряде экологических акций). Примерно в то же время старый диссидент из Запорожья Владимир Кириченко начинает разработки «анархо-мистических» теорий, названных им (по исторической традиции; – где только он успел с ней познакомиться?!) «биокосмизм», – сложившийся вокруг Кириченко кружок принимает громкое название «Мировое Братство Анархистов». В будущей столице «перестроечного» анархизма Харькове осенью 1988 возникли сразу две студенческие группы («Ноябрь» и «Шанс»), пытавшиеся с анархических позиций реформировать комсомол: добиваться большей самостоятельности (в том числе и идеологической) первичек, сблизить актив ВЛКСМ с молодежными массами и ее интересами и проблемами и т.п. (к чести «реформаторов», эти попытки были очень быстро оставлены как совершенно утопичные).

Появляется и своя пресса: машинописные, малотиражные, но богатые по содержанию газеты «Махновец» (Черкаскы) и «Дело Труда» (Днепропетровск). Тогда же, осенью 1988, деятельность украинских анархистов впервые упоминается в официальных СМИ: областная днепропетровская комсомольская газета «Прапор юности» выступает с серией статей о попытках (признаться, безуспешных) администрации завода, райкома партии и обкома профсоюзов пресечь анархо-синдикалистскую агитацию среди рабочих Промэнергоузла.

Большую роль в распространении анархизма в СССР сыграла Федерация Социалистических Общественных Клубов (ФСОК; с середины 1988 – Союз Независимых Социалистов), объединявшая анархистов, социал-демократов, троцкистов, левых «зеленых»-экологов. Под влиянием упоминавшейся группы «Община» и ее одноименного журнала, многие члены ФСОК/СНС переходили к анархизму, и в январе 1989 конференция СНС провозгласила преобразование Союза в «Конфедерацию Анархо-Синдикалистов» (КАС). В КАС вошли практически все активисты украинского анархизма, а после некоторых колебаний — и многие ФСОКовцы, до того анархистами не бывшие (Запорожье и др.) В мае 1989 на Учредительном съезде КАС (в Москве) Украина была представлена делегатами из Днепропетровска, Харькова, Запорожья, Черкасс, Донбасса. Отсутствовали бардачно-

бесшабашные киевляне, а также представители целого ряда групп, только что возникших и еще не установивших контакты с товарищами – из Бердянска, Житомира, Бердичева...

Разумеется, столь бурное возвращение анархизма из небытия не могло не вызвать ответную реакцию власть имущих. В своей работе анархистам пришлось столкнуться с клеветой, провокациями, угрозами, моральным и материальным давлением. На предприятиях проводятся «разоблачительные» собрания с участием партийных и профсоюзных чиновников («разоблачаются» сотрудничество с западными спецслужбами, еврейское происхождение, аморальное поведение и т.д. – стандартный, в общем-то, набор). Анархо-синдикалистов снимают с выборных (!) должностей в профсоюзах, с формулировкой «за отрицание руководящей роли КПСС»; с активистами Движения проводят угрожающие «профилактические» беседы работники УВД и прокуратуры. Распространение анархистской прессы, митинги, пикеты и т.п. пресекаются милицией (с последующими штрафами). В Харькове, где анархисты в 1989-90 приобрели большое влияние на студентов ВУЗов, для борьбы с расклеиванием анархистских листовок проводились специальные ночные акции – с патрулированием улиц, засадами, стычками и задержаниями. Случались и обыски квартир. В марте 1989 на предприятии «Промэнергоузел» (Днепропетровск) завком официального профсоюза, полностью утратив чувство реальности и элементарной порядочности, принял решение передать материалы об «антипартийной деятельности и разложении коллектива» анархо-синдикалистским активистом в райотдел КГБ! В августе того же года идеологический отдел Днепропетровского обкома КПСС направил в парткомы заводов и фабрик ориентировку по анархо-синдикализму – с кратким историческим обзором развития движения и с рекомендациями по контрпропаганде и разоблачению его слабых сторон перед рабочими.

Однако, украинский анархизм продолжал развиваться. В нескольких городах республики анархисты входили в состав инициативных групп по созданию Общества «Мемориал». Помимо работы в официальных профсоюзах на внутривзаводском уровне, синдикалисты приняли участие в попытках создания независимого профдвижения. Особенно активно такая работа велась в 1989 г. в Днепропетровске и Запорожье. Появляются новые группы и издания – малотиражные газеты и журналы «Рокот чистого сердца» (Луганск, популяризация рок-культуры, анархизма и буддизма одновременно), «Гуляй-Поле» (Донецк), «Черный Интернационал» (Житомир), «Бунт – дело правое» (Черкассы), - и издававшиеся массовыми тиражами (3-5 тысяч) газеты «Набат» (Харьков) и «Предтеча» (Житомир). Распространялись в Украине и российские анархо-издания, из которых наибольшее значение имели журнал «Община» (Москва) и газета «Черное Знамя» (Ленинград).

Пожалуй, пора рассказать – в самом сжатом виде – о таких вещах, как идеология, оргструктура, социальная база анархического движения в Украине того времени (1988-1991),- впрочем, практически ничем не отличавшихся от российского.

Значение СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ для понимания характера всякой организации не нужно пояснять специально, - в конечном счете и в самом общем виде, все определяется именно ею. И, как ни печально, но нужно признать: серьезной социальной базы – т.е. сколько-нибудь многочисленных однородных слоев, признававших идеи анархизма своими, готовыми хотя бы в пассивной форме помогать работе анархистов – Движение не имело. Среди активистов, организаторов и идеологов

анархических групп можно было встретить и немногочисленных рабочих, и интеллигенцию разных профессий (журналисты, преподаватели и др.), - но большинство анархистов было студентами, реже старшеклассниками, хотя даже влияние на учащихся оставалось минимальным. Конечно, ничего удивительного в этом не было: «перестройка» вызвала к активной политической и общественной жизни прежде всего именно интеллигенцию, ориентировавшуюся на либеральные (т.е. капиталистические) ценности, позволила начать открыто формироваться классу буржуазии («кооператоры» и другие предприниматели); рабочий класс в целом проявил себя пассивной силой, к тому же одураченной лозунгами рынка, демократии и капитализма («Пусть придет настоящий хозяин и сделает нам хорошо»). В таких условиях ни одно направление социалистической мысли, включая анархизм, революционный марксизм или неонародничество, не могло стать – и не стало! - серьезной общественной силой.

Впрочем, была определенная категория молодежи, которую можно рассматривать в качестве социальной базы анархистов. Речь идет о пресловутой Системе – неформальных объединениях хиппи, панков и т.п. Они с удовольствием рисовали на стенах анархистскую символику, читали прессу, часто присоединялись к организуемым анархистами митингам, пикетам и другим акциям, вплоть до радикальных экологических лагерей, о которых речь впереди. Их музыкальные кумиры пели революционно-перестроечные песни и в многочисленных интервью прямо заявляли о своих симпатиях к анархизму (особенно это касается «красного клина» русского рока 1980-х: К. Кинчев, Ю. Шевчук, М. Борзыкин). Наконец, «неформалы» составляли едва ли не большинство участников анархических групп. Но, право, Движение от этой «базы» получило скорее вред, чем пользу: хиппи и другие принесли в него все отрицательные черты собственной Системы – безответственность, неспособность и нежелание вести систематическую деятельность, демонстративное противопоставление себя окружающему обществу и неизбежная маргинализация – таковы были результаты симбиоза анархистов с «системными» людьми.

Плачевное состояние (точнее, отсутствие) социальной базы не могло не сказаться на ИДЕОЛОГИИ. Не менее важным фактором, повлиявшим на выработку идеологии, стала оторванность отечественных анархистов от собственных корней и от современного зарубежного анархизма. Как уже говорилось, преемственность поколений была нарушена террором 30-х, а доступ к работам Кропоткина, Бакунина и др., не говоря уже об обширной литературе западных авторов, был сильно затруднен. С «классиками» зачастую знакомились по пересказам их взглядов, сделанных советскими авторами (Н. Пирумова была здесь важнейшим «источником»). И конечно, не могла не сказаться на молодом, лишенном всякого опыта анархическом движении, общая направленность социально-политических процессов в стране: глубочайший кризис «государственного социализма» и бурное развитие отечественного капитализма.

В результате Движение получило идеологию, с большим сомнением относимую к тому, что обычно понималось и понимается под анархизмом. Преобладали прорыночные взгляды в духе «шведской модели социализма» (за которую прямо агитировала житомирская «Предтеча»): анархо-синдикалисты Харькова ожидали оздоровления производства от форсированного внедрения хозрасчета и «управляемой (!) рыночной экономики» («Набат» № 3); их запорожские товарищи требовали того же рынка и максимального сокращения государственного вмешательства в экономику, ссылаясь на опыт «развитых стран» («Черная Суббота» № 3). Для трудовых

коллективов, т.е. того эксплуатируемого большинства народа, на который опирался анархизм всю свою историю, нашелся лишь один совет: выкупать у государства и грядущих капиталистов-частных лиц предприятия, превращая их в свою коллективную собственность. За какие средства должен производиться такой выкуп, ведет ли этот путь к анархическому обществу, - над этими вопросами не задумывались.

Ясно, что при таких либерально-демократических, по сути, взглядах, существовали вполне определенные симпатии к «демократической оппозиции»: Межрегиональной Депутатской Группе в Верховном Совете СССР, Сахарову и т.д., - вплоть до публикации документов МДГ и выступлений «опального академика» в анархической прессе («Набат»). Стремление к блоку с анти-КПССовскими силами привело Харьковскую Организацию КАС даже в число основателей Руха, тогда еще – «Движения народа Украины за перестройку»; впрочем, через несколько месяцев анархисты вышли из Руха, убедившись в его быстрой эволюции к национализму и превращении в политическую партию. При этом имелось понимание того, что демократия (ближайшая цель тогдашних КАСовцев) – вовсе не идеал, и в будущем капиталистическом парламентском государстве придется бороться против сегодняшних союзников-демократов.

Либерализм, а не революционность, проявился и в отношении Движения к насилию: в выступлениях на митингах, в газетных статьях, наконец, в официальных документах КАС, подчеркивался принципиальный отказ от использования силы в любой ситуации. Пример для подражания виделся не в махновщине или Испанской революции 1930-х, а в массовом пассивном сопротивлении гандизма: «Тоталитарное государство должно быть уничтожено ненасильственным способом. Для этого нужно подавляющее преобладание сил демократии (!) ...» («Черная Суббота» № 4).

Идейное влияние лидеров КАС (москвичей и харьковчан) преобладало в это время (1989-1991). Подлинный, классический анархизм был представлен небольшими группами, сложившимися вокруг «ветеранов» 70-х годов – в Днепропетровске, Черкассах, на Ивано-Франковщине. Они объединялись в «Анархо-Коммунистический Революционный Союз» (АКРС), но одновременно входили и в КАС, не теряя надежды на идейное оздоровление Конфедерации. Эта задача затруднялась нехваткой средств и практическим отсутствием своей прессы: если не считать ленинградского «Черного Знамени» (выходившего с осени 1989 до лета 1990), единственным изданием АКРС была газета «Дело Труда» (Днепропетровск) с тиражом в несколько десятков экземпляров. АКРС основывался на классовых позициях, выступая за революционную борьбу наемных рабочих против угнетающих классов, не делая разницы между государственной бюрократией СССР и классическим капитализмом, несущим рынок, демократические выборы и другие желанные для оппозиции 80-х вещи. Практическими лозунгами «Дела Труда» были захватные стачки, формирование отрядов рабочей милиции и независимых профсоюзов синдикалистского типа, рабочее самоуправление в виде Советов рабочего коллектива и выборной администрации, восстановление Советов как подлинных органа самоуправления (по образцу махновщины).

Разногласия проявились впервые в октябре 1989 г., на второй конференции КАС в Запорожье. Конференция посвящалась столетию со дня рождения Н. Махно, и городская пресса целый месяц нагнетала обстановку вокруг предстоящего «сборища»; среди прочего бреда печатались даже призывы прятать детей, т.к. съезжающиеся со

всего Союза анархисты поклялись-де к столетию своего «бабки» зарезать сто младенцев.

Конференция в целом прошла хорошо. Но среди всеобщей эйфории, связанной с расширением географии Движения, возникают первые трещины, обозначившие границы будущих расколов. Прорыночные харьковские КАСовцы и днепропетровские анархо-коммунисты не пришли к взаимопониманию по вопросам о тактике анархистов, - а в целом из-за разных подходов к разворачивающейся капитализации страны. Дело дошло до того, что лидеры харьковчан заявили, что будут пресекать распространение газеты АКРС «Черное Знамя» в своем городе, расценивая пропаганду классовой борьбы как «фашизм».

Усугубление противоречий привело к расколу КАС на Втором съезде Конфедерации в марте 1990 в Москве. Это был самый представительный съезд анархистов СССР, прибывших в количестве от 100 до 200 человек из 26 городов; почти половину составляли украинцы. Авторитарные тенденции московских лидеров, отказ большинства съезда сойти с позиций «рыночного социализма», принятие принципиальных решений голосованием без попытки достичь консенсуса, - вынудили многих активистов уйти со съезда. Среди ушедших были и ветераны украинского анархизма. Ушедшее меньшинство решило провести собственный съезд, что впоследствии (летом того же года) привело к созданию нового объединения анархистов СССР – Ассоциации Движений Анархистов (АДА).

Среди всей этой ругани и бестолковщины украинцы проводят в кулуарах собственное заседание, на котором решают собраться 1 мая в Харькове для воссоздания объединения собственно украинских анархистов – Конфедерации Анархистов Украины «Набат» (КАУ). Специфика украинской социально-политической ситуации; все большее удаление Украины от разваливающегося Союза; необходимость, как казалось тогда многим активистам (даже после выхода из Руха), тесного сотрудничества с украинским национально-освободительным движением, - вот те основные факторы, которые обусловили выделение организации украинских анархистов из Движения всего СССР.

К этому времени Харьковская Организация КАС была самой крупной на Украине (свыше 100 членов). Лидирующее положение в ней занимали научный сотрудник И. Рассоха, студенты Е. Соловьев и В. Радченко, бывший «афганец» В. Фидельман. Последний в начале 1990 выступил инициатором создания «Боевого Анархо-Революционного Союза» (БАРС): в городе циркулировали слухи о готовящемся еврейском погроме, и для отпора ему в БАРС объединились бывшие «афганцы», молодые рабочие, студенты. Готовились средства самозащиты, в наиболее тревожные ночи проводились дежурства на улицах, - но погрома не произошло. БАРС, однако, не распался, а всю весну-осень 1990 продолжал тренировки своих бойцов, оставаясь в готовности дать отпор возможным провокациям.

Итак, Первого мая 1990 в Харькове было провозглашено создание КАУ, объединяющей анархистов всех направлений из 20 городов и поселков Украины. В первомайской демонстрации анархисты города и делегаты съезда прошли отдельной колонной в 200 человек под черными и черно-красными знаменами. Всего же на Украине в 1990 было около 500 активистов Движения, и, по мнению официальной

прессе, «КАУ в 1990 году была крупнейшей и популярнейшей из левых организаций на Украине» (естественно, за вычетом КПСС, - хотя какая же она левая?).

Но... С осени 1990 начинается спад. Замедлился, а затем и вовсе прекратился процесс образования и роста местных групп. Серия скандалов потрясла и разрушила в течении двух месяцев Харьковскую организацию КАС/КАУ: харьковчане не выдержали испытания национальным вопросом. «Если Харьков станет “українським містом”, мы его сделаем новым Ольстером!» – это и подобные высказывания амбициозных харьковских лидеров послужили поводом для развития скоротечного разрушительного процесса. Прекращается издание «Набата», а к зиме от харьковской организации остается лишь бледная тень: БАРС, не найдя реальных дел, распался; лидеры 89-90 гг. все дальше уходили от анархизма, - и в начале 1991 организация КАС/КАУ умирает окончательно. Ее лидерам – представителям прорыночной интеллигенции – приоткрылись двери в коридоры власти, и они быстро забыли «заблуждения юности», присоединившись к еще недавно критикуемому ими угнетающему меньшинству. Депутаты облсовета, референт спикера украинского парламента, кандидат в депутаты Верховного Совета, - вот куда позаносило молодых людей, которые под черными флагами «сделали себе имя» в политическом неформалите Восточной Украины.

Отлив анархического движения развивался с не меньшей, если не с большей скоростью, чем его прилив в 1988-1990. По материальным причинам прекращается издание «Предтечи», «Махновца», «Дела Труда». Одна за другой растворяются, бесследно исчезая, местные группы. Ярким показателем общего кризиса стал второй съезд КАУ в декабре 1990 в Киеве, куда приехали только делегаты от Запорожья и Харькова. Съезд послужил лишь местом обмена информацией о состоянии Движения к концу 1990 года.

В Запорожье к этому времени существовала областная Конфедерация Независимых Профсоюзов во главе с активистом КАС А. Григоряном, объединявшая в своих рядах несколько тысяч человек и издававшая уже упоминавшуюся газету «Черная Суббота». КНПС, следовавшая за большинством КАС, вызывала постоянные обвинения со стороны анархо-коммунистов и «кондовых» синдикалистов в грехах «анархо-капитализма».

В Киеве большую популярность среди КАСовцев получили т.н. «оранжевые акции» – театрализованные действия, эпатирующие зрителя, и призванные, по замыслу участников, наглядно доводить тем самым определенные идеи, лозунги и т.п. до «потребителя». Многие же из киевлян к этому времени больше интересовались дружескими попойками, чем распространением анархических идей. «Оранжевые» методы нашли свое наиболее яркое воплощение в лице новоприобретенных анархистов школьников О. Новикова и Ю. Докукина, понимавших анархизм исключительно как средство самоутверждения. Для начала они образовали «Комитет украинских анархо-националистов», а затем – «ультра-рррадикальный» «Фронт Анархо-Революционного Авангарда». В течении года юноши разражались громогласными манифестами от имени ФАРА, то объявляющими начало «всемирной анархической революции», то приговаривающих к смерти разных политиков (от депутата Хмары до президента Буша).

В конце 1990 активизировался Житомирский Анархический Союз (ЖАС), основавший вместо газеты «Предтеча» информационное агентство «Нестор», а затем и одноименный бюллетень, издававшийся от имени КАУ. За два года вышло около 300 выпусков «Нестора», не всегда одинаковых по уровню замысла и исполнения. Душой всех житомирских начинаний был пробивной независимый журналист Ю. Анисимов, дававший в своей деятельности все больший крен в сторону коммерциализации.

В Донбассе летом 1990 возникла собственная региональная организация – «Федерация Анархистов Донбасса», входившая одновременно в КАУ и КАС. Центром ФАД была Донецкая группа, вокруг которой группировались анархисты Донецкой и Луганской областей. В то время еще ничего не говорило о будущей роли ФАД как ядра украинского анархизма, но именно ее активисты сумели создать первую в СССР анархическую коммуну – в поселке Брянка Луганской области. Коммуна испытывала сильнейшее влияние хиппизма, просуществовала больше года, и распалась по тем самым причинам, которые подробно анализировал П. Кропоткин в начале 20 века, исследуя опыт подобных попыток.

Более стабильным в 1990-начале 1991 было положение в Днепропетровске: без ярких всплесков, но и без катастрофических провалов. Систематически распространялось большое количество анархической литературы в рабочих кварталах и на заводах Индустриального района города, на одном из предприятий района по-прежнему удавалось противостоять произволу администрации, при полном разложении идейного противника – парторганизации КПСС. Некоторые днепропетровские активисты тяготели к сотрудничеству с троцкизмом, поэтому наряду с анархической литературой распространялись произведения Троцкого и пресса троцкистских групп из России. До логического конца эта тенденция была доведена в особе Л. Ильдеркина, состоявшего одновременно членом АКРС и троцкистских «Революционных Пролетарских Ячеек»; «анархо-троцкизм» получил теоретическое «обоснование» в блоке статей Ильдеркина под названием «Рабочая власть – инструмент революции». Днепропетровские анархисты оказались вынуждены покинуть последовательно «Соцпроф» и «Укрсоцпроф» – протопрофсоюзные образования тред-юнионистского типа, и в январе 1991 создать собственно анархо-синдикалистский профсоюз «Интернациональная Рабочая Ассоциация» (ИРА), в который вскоре вошли группы из некоторых городов России и Украины (Житомир, Ленинград, Запорожье и др.). Поначалу ИРА не удалось выйти за рамки небольших кружков идейных анархо-синдикалистов, и к середине 1991 ее деятельность фактически прекратилась.

Некоторое оживление украинского анархизма было вызвано проведением в Запорожье экологической акции в июле-августе 1991 г. Ее организовали и провели саратовские и московские анархисты-члены АДА, имевшие опыт организации подобных акций с 1989, при участии активистов анархического и зеленого движений из нескольких городов СССР. Акция проходила в форме лагеря протеста против индустриального монстра – Коксохимического завода, и имела целью добиться реконструкции опасных участков. Эффектные действия анархо-экологов, не останавливавшихся перед прямыми столкновениями с милицией, захватом заводоуправления и сухой голодовкой (на четвертый день которой днепропетровская анархистка Анна Дубовик попала в реанимацию), - достигли своей цели: население было взбудоражено и готово к массовой активной поддержке экологических требований анархистов. Местные власти остановили наиболее вредные участки производства для реконструкции с оплатой рабочим вынужденного простоя. Победа

была несколько смазана во время путча ГКЧП: по звонку из Киева производство было запущено снова, но лишь на некоторое время (в начале 1992 местным экологами хватило раз пригрозить обл администрации тем, что они снова обратятся к анархистам, - и реконструкция все же состоялась).

Последняя судорожная попытка верхушки КПСС удержать ускользающую власть – авантюра с ГКЧП – закончилась слишком быстро, чтобы анархисты смогли показать возможность (или ее отсутствие) действовать в экстремальных условиях. Все же практически во всех городах, где существовали анархические группы, активисты распространяли листовки против путчистов, кое-где пытались организовать забастовки (Днепропетровск, Запорожье), а в Харькове экстренно восстановленный «афганцами» БАРС всерьез готовился к партизанским действиям. Позиция анархистов по отношению к попытке переворота была занята без каких-либо обсуждений и позже признана верной на третьем съезде АДА (ноябрь 1991): Движение не просто выбрало «меньшее зло» в виде демократического режима, но активно выступило против угрозы (реальной или нет – другой вопрос) реставрации тоталитаризма и политических репрессий.

Ситуация, сложившаяся после развала КПСС и СССР в конце 1991, ускорила распад «старого», «перестроечного» анархизма: утрата ставшего привычным врага дезориентировала многих активистов, не сумевших «развернуть фронт» против новой, демократической государственности, принесшей те «ценности» (рынок, демократические свободы), за которые боролись в 1989-1991. Некоторые лидеры, по определению – люди активные и свободные от присущих обывателю комплексов – направили свою активность в русло предпринимательства, где в начале 1990-х открывалось огромное невозделанное поле деятельности, - кстати, не всегда уход в бизнес был сознательным оппортунизмом: нередко предприимчивый активист начинал заниматься коммерцией для того, чтобы заработать денег на анархическую пропаганду, бывало, что при группах возникали целые коллективные предприятия (Запорожье, Харьков, Житомир) с самыми благими намерениями, - но рано или поздно интерес к прежней деятельности начинал стремительно падать, одновременно с ростом доходов от бизнеса: сохранять анархические убеждения на капиталистическом базисе – вещь невозможная.

Так или иначе, в течении 1992 года упадок Движения достиг предельной отметки, на которой оставался весь 1993. КАУ, проведя еще два съезда с минимальным составом участников (в мае и в сентябре 1992) распалась окончательно. Закончили существование остатки старых групп КАС/КАУ в Харькове, Киеве, Запорожье, распалась ФА Донбасса. Собрания днепропетровской группы прекратились еще в середине 1991, а в октябре 1992, после поражения стачки на Промэнергоузле, ветеран Движения О. Дубровский, возглавлявший стачком предприятия, был изгнан с работы; по-прежнему действующая в Украине система отдело-кадровой полиции лишила его возможности работать в течении года, - и с этого момента непосредственная связь анархизма с промышленными рабочими Днепропетровска была утрачена на 7-8 лет.

В 1992-1993 годах анархическая пропаганда все же велась очень небольшими группами или одиночками в Харькове, Днепропетровске, Донецком регионе, Запорожье, Николаеве, Севастополе – т.е. в восточном регионе страны. Эффект от этой деятельности был несравним с эффектом работы в 1989-1990; на некоторое время Движение даже перестало испытывать давление со стороны госорганов и правых

радикалов (единственное исключение – Черкасский Анархический Союз Молодежи, возникший как раз в это время: едва начав пропаганду, он встретил решительное противодействие со стороны националистического «жозацтва», и после нескольких серьезных стычек распался). Часть активистов, продолжая считать себя анархистами, переключилась на радикально-экологическое движение, и участвовала в нескольких акциях по образцу Запорожья-91: под Петербургом (1992, Сосновоборская АЭС), в Липецке (1992, строительство завода шведской фирмы «Викинг-Рапс»), в Череповце (1993-94, монстр советской металлургии ЧМК), под Одессой (1994, строительство нефтетерминала). В организации и проведении этих акций участвовали киевляне, а также молодые анархисты из Харькова, Донецка, Запорожья.

Уже в 1992 в Движении начались процессы, незаметные на общем фоне кризиса, но ставшие основой последующего возрождения. Украина вернулась в «русло нормального развития», встала на «путь, по которому идут все цивилизованные государства», словом, быстро становилась нищей капиталистической страной с функциями поставщика недорогого сырья на мировой рынок и потребителя дешевых импортных товаров. Капитализм принес не всеобщее благоденствие, а массовую безработицу, обнищание, потерю тех минимальных социальных гарантий, которые сохранялись в СССР. Арена для классовой борьбы пролетариата против буржуазии была подготовлена, - и отсутствие на этой арене самого пролетариата, дезориентированного, растерянного, лишенного каких-либо организаций, словом, еще не ставшего активной социально-политической силой, не могло остановить тех немногочисленных людей, которые не желали и не могли мириться с мерзостью новой жизни.

Быть анархистом – и не быть революционером, не замечать и игнорировать классовую борьбу, продолжать разделять иллюзии “перестроечных” времен – становилось невозможно. Ортодоксальный, классический, если угодно – единственно возможный анархизм, берущий начало в работах Бакунина и Кропоткина, проявившийся в великих революциях прошлого, - анархизм, с гордостью носящий имя коммунистический, - анархизм, ориентирующийся на синдикалистскую форму организации, - этот анархизм, бывший малозаметным во времена КАС-КАУ-АКРС, в первой половине 1990-х восстанавливает свои позиции. Для многих разрыв с прежними взглядами и возврат к собственным корням оказался мучительно-трудным, - но те, кто не сумел пройти этот путь, покинули движение, уйдя в чистую экологию, в бизнес, в религию, просто в частную жизнь обывателя.

В 1992 году лидер московских анархо-коммунистов В. Дамье прогнозировал, что Движение на территории бывшего СССР будет состоять из организаций анархистов левых и “правых” (прокапиталистических). Прогноз был неудачен, по крайней мере, для Украины: здесь уже к 1996 году между анархистами практически не было идейно-теоретических разногласий.

Впрочем, процесс этот занял несколько лет. Пока же, в 1992-93, повторим, он лишь намечался. Уже в январе 1992 в Днепропетровске прошла учредительная конференция «Федерации Революционных Анархистов», попытавшаяся объединить немногочисленных еще анархо-коммунистов и синдикалистов Украины, России, Белоруссии. Попытка оказалась неудачна: Федерация не смогла выполнить свою задачу (координация работы местных групп) и тихо исчезла к 1994-95 году. Весной того же года в Киеве на обломках КАС/КАУ возникла группа молодых анархо-коммунистов, -

впрочем, с традиционным для киевлян налетом «оранжевости». Благодаря такой печальной традиции, группа, сменившая несколько названий (самые известные – «анархическая фракция Левого Объединения Молодежи» и «Инициатива Революционных Анархистов Украины» (ИРЕАНУ)), нашла общий язык с известным в московских левых кругах проходимцем Д. Костенко, немало поработавшем в роли откровенного провокатора среди анархистов, троцкистов, маоистов, сталинцев СНГ. Единственное конструктивное предприятие ИРЕАНУ – создание в 1993 году студенческого профсоюза «Прямое Действие»; под идейным влиянием ИРЕАНовцев находились в 1992-1995 годах небольшие подобные группы в Сумах, Севастополе, Львове, до известной степени – в Ровно (последняя интересна тем, что возникла на базе местной молодежной секции националистической «Украинской Национальной Самообороны», вышедшей из своей организации и заявившей себя анархистской)

В общем процессе восстановления классического анархизма большее значение имело совещание революционных синдикалистов стран СНГ, состоявшееся в кулуарах международной конференции анархистов Восточной Европы (Кенигсберг, лето 1992): делегаты от Москвы, Гомеля и Донецка (ФАД) договорились сотрудничать в своей работе, главной целью которой все они видели создание в своих странах реальных, массовых секций Международного Товарищества Рабочих, - Интернационала анархо-синдикалистских организаций.

Донецк стал центром украинского анархического движения 1990-х гг. Еще в ноябре 1992 была восстановлена ФА Донбасса (с участием Макеевки, Кадиевки, Луганска). Воссозданная организация понимала, что, не добившись успеха среди трудящихся (в первую очередь речь шла о наиболее активной части рабочего класса Украины – шахтерах), невозможно стать серьезной силой в обществе в целом. И с осени 1992 ФАД начинает робкие попытки анархо-синдикалистской пропаганды непосредственно на предприятиях – на проходных, в цехах и т.п. ФАДовцы посещают практически все массовые акции трудящихся (а также работников образования и культуры, студентов) – забастовки, митинги, пикеты. Крупнейшим актом было участие ФАД в июньской (1993) всеобщей стачке донецких рабочих и служащих: распространение литературы, беседы с рабочими, расклейка листовок. Ожидаемых результатов (рост численности и влияния) эти акции, правда, не принесли: сказывалось, во-первых, отсутствие опыта «адресной» пропаганды на рабочий класс (в том числе и печатной), а, во-вторых, растрачивание сил и средств на «поверхностные» акции типа участия в митингах разных политических сил и т.п., что, кстати, способствовало усилению давления полицейщины («профилактические беседы», задержания и т.п.), - вплоть до предъявления обвинений в «призывах к террору и насилию». Часть ФАДовцев – в том числе целые секции – не выдерживали такого давления...

Помимо текущей работы лидеры ФА Донбасса внимательно следили за ситуацией в анархизме на пост-советском пространстве. Одними из первых они открыто заявили, что Движение больно неорганизованностью, безответственностью и поверхностным подходом к важнейшим проблемам своей собственной деятельности. Естественным следствием таких выводов было стремление инициировать реорганизацию Движения в целом и КАС (в которой донбасцы все еще состояли по инерции) в частности. Попытка была предпринята на 6 съезде КАС (начало 1994, Москва) – и окончилась ничем: на словах большинство ветеранов «перестроечных» времен (из тех, кто дотянул до 1994, не порвав с анархизмом), были согласны с предложениями ФАД, но конкретных решений (изменение Программы и Оргдоговора КАС) добиться не удалось. Зато за

инициаторами перемен закрепились репутация людей неуживчивых и слишком требовательных.

Вообще, 1994 год оказался богат на межгородские и международные встречи анархистов СНГ: в мае и июне по инициативе Киевской ИРЕАНУ прошли два совещания, пытавшиеся восстановить КАУ (без какого-либо успеха); в июле в том же Киеве прошел Седьмой съезд АДА, собравший делегатов из России и Украины. Часть украинских делегатов (Харьков, Днепропетровск и представленный последним Донецк) также предложила реорганизовать АДА на принципах революционного классового анархизма и более жесткого решения оргвопроса, - и также не добились от остальных участников съезда внятного решения (соответствующие вопросы было решено предварительно обсудить на местах).

Инициативу восстановления общеукраинской анархической организации взяли на себя донетчане. Весной-летом 1994 они объехали несколько городов, установив личные контакты с наиболее конструктивными элементами на местах, выяснив их позиции и обсудив планы работы; с июля в Донецке начался выход дискуссионно-информационного бюллетеня «Анархо-Синдикалист». Наконец, 15-16 октября 1994 в Донецке прошла учредительная конференция Революционной Конфедерации Анархо-Синдикалистов (РКАС), ставшей – со временем – едва ли не самой серьезной анархической организацией на всем пространстве бывшего СССР.

Однако, этого уровня еще предстояло достичь, а пока в РКАС вошли представители ФА Донбасса и отдельные активисты из Днепропетровска и Харькова. В наследство от прежних времен достались люди, многие из которых явно были не способны к кропотливой систематической работе по пропаганде на предприятиях, - на что РКАС с самого начала сделала основной упор. В результате отход активистов из РКАС продолжался; к началу 1996 был достигнут низший предел, когда вся Конфедерация состояла из нескольких человек в Донецке и одиночек в Днепропетровске и Макеевке. Оставшиеся не испытывали по этому поводу какой-либо депрессии, и медленно нарабатывали опыт и базу организации. Помимо «Анархо-Синдикалиста» с 1995 начался выпуск общеукраинской газеты «Анархия», быстро достигшей тысячных тиражей, и листка «Голос Труда» (издание созданного РКАС «Информационного агентства рабочего движения», распространялся только в Донецке в 1995-1996). В отличие от всех предшествующих организаций анархистов Украины, РКАС имела четкую структуру, ввела практику разделения труда внутри организации, решила вопросы внутренней дисциплины; программные принципы основывались на четко сформулированных положениях революционного анархо-коммунизма, классовой борьбы, ориентации на синдикалистское действие наемных работников. Устав РКАС был принят при образовании Конфедерации, в 1994, - Программа же, после длительного обсуждения, утверждена общим референдумом в конце 1998 года.

За конец 1994 – начало 1996 годов в деятельности РКАС можно выделить лишь пропагандистские рейды по предприятиям Донецка и других городов Донбасса (Макеевка, Краматорск, Лисичанск и т.д.), и участие в трехмесячной голодовке шахтеров-регрессников в Горловке. Прорыв состоялся летом 1996, во время последней на момент подготовки этой статьи всеобщей забастовки шахтеров. Весь июль и август РКАС вела активнейшую работу, о размахе которой можно судить хотя бы по тому, что за эти два месяца было издано 4 выпуска газет «Анархия» и «Голос Труда» (общим тиражом около 4,5 тысяч штук) и не менее четырех листовок (тиражом 1600 штук).

Газеты и листовки затрагивали вопросы происходившей забастовки, и выходили с максимально возможной оперативностью. Так, 1 августа был арестован председатель Донецкого отраслевого рабочего комитета (под этим названием действовал стачком шахтеров) М. Крылов, а уже в ночь на 3 августа по улицам и шахтам Донецка было распространено несколько сот листовок с комментариями РКАС к этому ходу властей и призывами продолжать борьбу. В условиях разворачивающихся репрессий и арестов лидеров рабочего движения, РКАС попыталась стать координирующей силой, вокруг которой должны были группироваться сторонники продолжения стачки. Это не удалось – боевое настроение рабочих быстро шло на убыль – но именно с августа 1996 года РКАС стала организацией, известной рабочим активистам, рассматривавшим ее как союзника и неотъемлемую составную часть рабочего движения. Представители РКАС с 1996 года участвуют в совещаниях рабочих профсоюзных активистов, анархо-синдикалистские газеты и листовки распространяются при прямой помощи низовых структур профсоюза горняков, наконец, с этого времени начался долгожданный численный рост РКАС в Донбассе, в том числе и за счет промышленных рабочих. В начале нового – нынешнего – века уже не редкость ситуация, когда активисты РКАС возглавляют стачкомы и профкомы шахт.

Вне РКАС в конце 1990-х годов имелась лишь одна группа украинских анархистов: молодежная (преимущественно студенческая) группа «Тигра Нигра» («Черные Тигры») в Киеве. Декларируя себя анархо-коммунистами, «тигры» в своей работе ограничились уличными хеппенингами, продолжавшими «оранжевые» традиции, пикетированием по разным поводам зданий парламента и правительства, да выпуском нескольких номеров листка «Передай дальше». После очередного пикета перед зданием Верховной Рады в 1998, «тигры» подверглись жесткому прессингу со стороны спецслужб (задержания, обыски, угрозы, письма на места работы и учебы активистов), что привело к фактическому распаду группы.

Что касается РКАС – работа ее продолжается по нарастающей, и именно поэтому подробный рассказ об этой организации появится еще не скоро. Сегодня же можно дать лишь небольшой объем информации о работе Конфедерации, собравшей наиболее активные и конструктивные элементы украинского анархизма.

Местные группы (секции) РКАС действуют в городах: Донецк, Днепрпетровск, Киев, Харьков; в нескольких городах имеются также индивидуальные члены (в т.ч. Львов, Полтава, Гуляй-Поле, Ясиноватая, Угледар). Основной состав местных секций – студенты ВУЗов, учащиеся ПТУ, промышленные рабочие, шахтеры, безработные, служащие. Форма их деятельности – агитационно-пропагандистские акции (распространения газет и листовок непосредственно на предприятиях, расклейка в рабочих районах, устные выступления и беседы, - все это происходит также во время выездных кампаний активистов, на короткое время прибывших в другие города); проведение семинаров, дискуссий, идеологически направленных концертов созданных членами РКАС рок-групп; участие в прямой борьбе наемных работников (забастовки и т.п.).

Пресса РКАС: газета «Анархия» (вышло 18 номеров, тираж 3-4 тысячи); аналитическо-теоретический бюллетень «Анархо-Синдикалист» (26 номеров); культурно-агитационный журнал «Восстающая Украина» (2 номера); информационный листок «Известия РКАС». Кроме того, с 1995 издано относительно много брошюр, как классики анархической мысли (Э. Малатеста, Я. Новомирский), так и современных

анархических авторов (Г. Хаджиев, Д. Руэм, М. Харрис), в том числе и состоящих в Конфедерации (А. Асин, М. Волин).

2001 год.